

Е.А. Черкасова
Тюмень, ТюмГУ

ОБРАЗ ЧИНОВНИКА В ТЕКСТАХ В.С. СОЛОВЬЕВА-ПОЭТА

В работе «Смерть В.С. Соловьева», посвященной личности и многосторонней деятельности поэта, С.Н. Трубецкой одной из первых особенностей философа и художника упоминает его отношение к общественным вопросам, отмечая, что «он стоял вне партий»; что «его глубокая преданность положительным началам государства, и в частности нашего русского государства, отдаляла от него одних, точно

так же как его полемика против национализма и пламенная борьба за свободу личности и свободу совести, за нравственные принципы в жизни общества и государства отчуждала от него других» [<http://www.vehi.net/soloviev/strubeck.html>]. Несмотря на то, что текстов, в которых Соловьев избирал в качестве объекта описания чиновников, всего два, созданные им образы являются достаточно яркими и объемными, включают в себя множество смыслов.

В стихотворении «Привет министрам» (начало сентября 1891 г.) образы, относящиеся к реальным людям, во многом раскрываются за счет аллегорий, широко использованных автором в тексте. Например, такие исторические личности как Горемыкин (министр внутренних дел (1895–1899 гг.)), позднее председатель Совета Министров. Делянов (с 1882 г. министр народного просвещения); Муравьев (русский дипломат, в 1897 — 1900 гг. министр иностранных дел). Также упоминается Победоносцев (русский государственный деятель, ученый-правовед. Преподавал законоведение наследникам престола (в 1880–1905 гг. обер-прокурор Синода), чья фамилия трансформирована Соловьевым в «Бедоносцев», но при этом она вполне сопоставима с оригиналом. Острый, саркастический тон, заданный упоминанием чиновников, диктует настроение всего стихотворения: «Горемыкин веселящий / И Делянов молодеющий, / Бедоносцев хорошеющий, / Муравьев-жених». В послании Соловьева образ высшего чиновничества имеет не только индивидуализирующие, но и обобщающие, аллегорические характеристики: «бестии», «курицыны дети», «мерзавцы», «подожмете хвост». Как отмечают специалисты, столь резкий тон, отмеченный в стихотворении, не естественен для поэта: «Столь радикально в творчестве Соловьева звучит лишь единственное стихотворение» [Минц 2004: 305].

Во втором тексте («Белая лилия») тон меняется. Здесь «высокие» и «сниженные» линии пьесы переплетены, «нет ни одного образа или эпизода, не пронизанного иронией» [Минц 2000: 417–418]. В мистери-шутке «Белая Лилия, или Сон в ночь на Покрова» (1878–1880) два героя служат чиновниками — Халдей и Скептик. Автор посредством ремарок указывает на их профессиональную принадлежность, а также на некоторые особенности их характеров. Халдею Соловьев дает следующее описание — «служащий в Азиатском департаменте, практичен», а Скептику — «служащий по министерству финансов».

Выбор имен позволяет судить об авторской характеристике персонажей. В имени Халдея фиксируется отнесенность героя к определенной национальности, это усиливается Соловьевым через соотношение образа Халдея («еврей, практичен») с тем, что он говорит сам про себя: *(самодовольно — авторская ремарка — Е.Ч.)* «Я — грузин, я — грузин! / Это знаю я один». Комический момент строится на явных противоречиях (еврей — грузин — итальянец), которые реализуют-

ся в тексте не только за счет реплик персонажа, но и посредством реплик героев, которые общаются с ним. Так как диалог в драматическом произведении наиболее содержателен с точки зрения информативности для характеристики персонажа, необходимо учитывать реплики других героев. Например, подруга Халдея Галактея, рассуждающая о его внешности, как бы между прочим отмечает: «А знаете, у вас очень красивый нос, — я прежде и не замечала»; «Ага! Вы, кажется, говорите стихами? Я очень люблю стихи насчет моей красоты. Скажите, вы не итальянец? (*В сторону*) Боже, какой у него красивый нос!», «Впрочем, я и забыла, что вы Халдей».

В отношениях с женщинами Халдей оказывается достаточно романтичным и знающим, как расположить к себе даму: «(*смотрит через ее плечо*) На звезды глядишь ты, звезда моя светлая... / О, быть бы мне небом, в широких объятиях / Держать бы тебя и очей мириадами / Тобой любоваться в безмолвном сиянии...», «Нет, я не итальянец, но могу заменить его с успехом».

Особенность построения диалогов отмечена З.Г. Минц: «Это обильные остроты-алогизмы в прутковском стиле» [Минц 2000: 416]: Галактея: «...Но какая же ваша нация?», — Халдей: «Это страшная тайна. А впрочем... (*говорит ей на ухо*) Я — грузин!».

Халдей как никакой другой из героев мистери-шутки обладает такими чертами характера, как практичность (отмеченной автором при перечислении действующих лиц), предприимчивость и способность организовать какое-либо дело: «Но теперь уж опасности нет, / И поэтому вот мой совет: / Вы позвольте вам всем предложить / Выпить водочки и закусить (*Вынимает из чемодана припасы, и все располагаются под деревом*)»; «Не спеть ли песню нам, друзья?». Практичность Халдея проявляется и в его отношении к женщинам, когда он в беседе с Неплюй-на-стол, Инструментом, Сорвалом и Мортемиром поет следующую песню: «Женщин вы чтите: / Жизнь человечью / Они украшают! / Шерстью овечьей / Они вышивают / Ковры и подушки / И вяжут чулки; / Они покрывают / Постель одеялом, / А также бываю / Для нас идеалом. / Без женщин жизнь наша / Была б лишена / Всего, что высоко и свято. / Текла бы она, / Мелка и ровна, / Без радужно-светлых идей, / Без пламенно-бурных страстей / И без впечатлений богатых. / Мы жили б одни: без детей, / Без нянек, кормилец, без прачек и швей, / И не было б даже мужей / Рогатых!». Язык Халдея содержит этикетные канцеляризмы, к примеру, слово *почтеннейший* он использует в разговорах с другими героями, заменяя тем самым их имена. Такое обращение, как *бестолковый народ*, свидетельствует о сознательной «неотнесенности» Халдеем себя ко всем остальным, то есть к народу. Речь персонажа не лишена бытовых ругательств: «Осел ты есть, каким был!», «Ну, нос твой красен не от холоду / Признайся, много пил ты смолоду?», «Он нас морочит, чертов сын!»;

«Эх ты, Емеля-простота!» Данные речевые жесты направлены на всех героев вокруг Халдея, но если что-либо было сделано не так, в том числе и по вине Халдея, то он, признавая вину, говорит обо всех: «Всё, значит, шло, как нужно, и мы только сдуру перетрусили»; «А мы тут всё пляшем, как оглашенные».

Второй герой, которого автор отнес к чиновникам в мистеришутке «Белая лилия», — Скептик (служащий по министерству финансов). Его реплик не так много, но они характеристичны. Персонаж рассказывает о своем жизненном выборе и пути, считая себя несчастнее других: «О, как вы счастливы в сравнении со мною, / Для помыслов найдя какой-нибудь предмет, / Напрасно я искал, чего бы искать душою, — / Ни цели, ни пути передо мною нет. / И вечером, и утром рано, / И днем, и полночью глухой, / В жару, в мороз, средь урагана — / Я все качаю головой! / То потупляю взор свой в землю, / То с неба не свожу очей, / То шелесту деревьев внемлю — / Гадаю о судьбе своей. / Какую мне избрать дорогу? / Кого любить, чего искать? / Идти ли в храм — молиться богу, / Иль в лес — прохожих убивать?» Необходимо заметить, что ничто в монологе Скептика не указывает непосредственно на то, что он принадлежит к финансовой сфере, а тем более занимает столь высокий пост.

В.С. Соловьев, ориентируясь на современную ему общественную ситуацию, создает образ чиновника с помощью острой сатиры, хотя для него была характерна, скорее, горькая ирония. Посредством жанровой отнесенности «Белой лилии» образы чиновников в произведении усложняются. Герои (Халдей и Скептик) включаются в общий контекст пьесы и оказываются одними из тех, кто пускается на поиски Белой лилии.

Литература

1. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы/ Библиотека поэта. Л., 1974.
2. Соловьев В.С. Избранное/ Библиотека поэзии. СПб., 1998.
3. Минц З.Г. К генезису комического у Блока (Вл. Соловьев и А. Блок) // Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб, 2000.
4. Минц З.Г. Владимир Соловьев — поэт // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб, 2004.
5. Трубецкой С.Н. Смерть В.С. Соловьева. 31 июля 1900 г. <http://www.vehi.net/soloviev/strubeck.html>.